

«Я не верю в анархию»
К вопросу об идеологических основаниях
творчества Егора Летова *

М. Ю. Мартынов

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ТРИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. В массовом сознании имя Егора Летова (1964–2008), одного из самых известных российских панков, имеет устойчивую ассоциацию с анархизмом. Отдельные его тексты и высказывания, например «Убей в себе государство!», приобрели характер прецедентных, – они опознаются и функционируют как анархистские без обязательной отсылки к первоисточнику. Вместе с тем в творчестве Летова встречаются элементы, которые непросто согласовать с анархистским мировоззрением, что делает летовский анархизм не таким очевидным. Например, многократно появляющаяся в текстах тема смерти с трудом согласуется с классическим анархизмом, который подчеркивает ценность жизни, а не смерти. Автор ставит перед собой цель уточнить отношение Летова к анархизму, показать роль и место анархистского мировоззрения в его творчестве.

* Работа выполнена в рамках проекта Немецкого научно-исследовательского сообщества «Русскоязычная поэзия в транзите» (DFG-Kolleg-Forschungsgruppe “Russischsprachige Lyrik in Transition”, FOR 2603) в Трирском университете.

Мартынов М. Ю. «Я не верю в анархию». К вопросу об идеологических основаниях творчества Егора Летова // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 388–400.

Ключевые слова: анархизм, власть, Егор Летов, смерть / жизнь, панк, тотальность.

УДК 82 + 329.285

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-388-400

Контактная информация: Мартынов Михаил Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Чувашского государственного художественного музея (Чебоксары, Россия, golossa@gmail.com), научный сотрудник Трирского университета (Германия) в рамках проекта Немецкого научно-исследовательского сообщества «Русскоязычная поэзия в транзите» (FOR 2603), 2019 г. (<https://lyrik-in-transition.uni-trier.de/fellows/mikhail-martynov/>)

С середины 70-х гг XX в. в рок-музыке зарождается направление «панк», система ценностей которого формировалась под сильным влиянием анархистских идей. Подобно анархистам, панки стремились к независимости в вопросах жизненного самоопределения и эстетического выбора. Согласно Крейгу О'Харе, главная идея панка выражается в следующем призыве: «думай самостоятельно, будь самим собой, не просто принимай то, что дает тебе сообщество, создавай свои собственные правила, живи своей собственной жизнью» [2003, с. 62]. При этом панки не всегда хорошо разбирались в теоретических вопросах анархизма и его истории¹, но недостаток этих знаний они восполняли своей страстью к эпатажу, которая, как отмечает Крейг О'Хара, сближала панк с футуризмом². «Частью провокационной линии поведения панка были выступления, на которых исполнителей рвало на сцене, они плевались в публику и демонстрировали раны, нанесенные ими же самими при помощи бутылок, рыболовных крючков и ножей. <...> Футуристы пытались донести свое антихудожественное послание на улицы через вызывающую одежду, серьги и грим³.

¹ К. О'Хара обращает внимание на то, что хотя большинство панков придерживается анархистских взглядов, «это вовсе не означает, что все панки хорошо разбираются в истории и теории анархизма, но большинство из них разделяют убеждения, сформированные на принципах отрицания официального правительства и правителей» [2003, с. 99].

² Об эпатаже как одной из существенных особенностей художественного авангарда см., например, в статье М. И. Шапира «Эстетический опыт XX века: авангард и постмодернизм»: «Агитационное искусство, во-первых, добивается сочувствия и сомыслия, а во-вторых, хочет сообщить активности адресата вектор. В отличие от него авангард просто “раздражает” обывателя, причем делает это попусту, бескорыстно, из любви к искусству. Реакция на него – не направленная, а броуновская, заставляющая “бежать на месте”» [1995, с. 137].

³ В данном контексте уместно вспомнить о манифесте Ильи Зданевича и Михаила Ларионова «Почему мы раскрашиваемся» (1913): «Мы связали искусство с жизнью. После долгого уединенья мастеров, мы громко познали жизнь и жизнь

Это было в последующем скопировано на Кингз Роуд в Лондоне теми панками, которые делали упор на моду» [О'Хара, 2003, с. 59, 60].

Одним из самых известных российских панков является Егор Летов, лидер основанной им группы «Гражданская оборона». В середине 1980-х гг. Летов придерживался анархистских взглядов, отразившихся, например, в таких песнях, как «Анархия» (1987), «Новый 37-й» (1987), «Государство» (1987) и др. Хотя анархисты и не всегда одобрительно отзывались об увлечении панков анархизмом, – им казалось, что идеи анархии используются только для эпатажа⁴, это не относится к Летову, творчество которого оказало сильное обратное влияние. Отдельные его тексты и высказывания можно рассматривать в качестве источника анархистской прецедентности⁵. Например, призыв «Убей в себе государство!» («Государство», 1987) функционирует сегодня как анархистский и опознается без обязательной отсылки к оригиналу. Тексты Летова являются также источником для протестной номинации в различных, часто удаленных друг от друга, контекстах. Например, фраза «Мы – лед под ногами майора» из песни Летова «Мы – лед!» (1987, альбом «Тоталитаризм») была использована в качестве подписи к статье в анархистской газете «Ситуация» [Тов. Лед Под Ногами Майора, 2003]⁶.

вторгнулась в искусство, пора искусству вторгнуться в жизнь. Раскраска лица – начало вторжения. <...> Если ли бы нам была дана бессмертная красота – замазали бы ее и убили – мы, идущие до конца. Татуировка не занимает нас. Татуируются раз навсегда. Мы раскрашиваемся на час, и измена переживаний зовет измену раскраски. <...> Мы раскрашиваемся – ибо чистое лицо противно, ибо хотим глашатайствовать о неведомом, перестраиваем жизнь и несем на верховья бытия умноженную душу человека» [Зданевич, Ларионов, 2009, с. 368, 369, 370].

⁴ В этом отношении показательно высказывание анархиста Кирилла Лиманова об использовании одного из центральных анархистских символов «А в круге»: «Эмблему анархизма используют не только идейные анархисты. Большой вред эмблеме нанесли панки. Не придумав своей собственной символики, панки использовали анархистскую, внося путаницу в умы людей. Буржуазная пресса стремилась представить все либертарное движение как сборище хиппи и панков только потому, что они используют анархо-символику» [Лиманов, 1998, с. 57]. Панки и анархисты изображают «А в круге» различными способами. В панковском варианте буква «А», как правило, выходит за границы круга, в анархистском – остается в его пределах.

⁵ Согласно известному определению Ю. Н. Караулова, прецедентные тексты представляют собой «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2010, с. 216].

⁶ Тексты Егора Летова являются важными также и для современных панков, которые часто используют их в виде прямых или скрытых цитат в своих песнях (см.: [Шостак, 2018]).

Несмотря на растиражированность летовского анархизма⁷, существуют обстоятельства, которые делают вопрос об идеологических основаниях мировоззрения Летова все-таки не таким очевидным. Основная цель этой статьи состоит в том, чтобы уточнить отношение Летова к анархизму и показать роль и место анархистского мировоззрения в его творчестве.

Прежде всего необходимо обратить внимание на тему смерти, занимающую в творчестве Летова одно из центральных мест⁸, а также на нетипичный для анархизма способ ее осмысления. «Человек, занимающийся роком, – говорит Летов, – постигает жизнь, но не через утверждение, а через разрушение, через смерть» [Летов, 1997]. Этот тезис напоминает эпистемологическую позицию Сократа в «Федоне» Платона, согласно которой жизнь настоящего философа должна быть посвящена только одному – «умиранию и смерти» [Платон, 2007, с. 21]. Но в песнях Летова смерть фигурирует не как познавательная структура (или «сакральная жертвенность»⁹), смерть у него часто самодостаточна, имеет ценность в себе. Если Сократ понимает смерть в качестве способа избавления от мешающей созерцанию чистых идей иррациональной материи, то в творчестве Летова смерть не имеет подобного вертикального измерения, она не встраивается ни в рациональные структуры, ни в священный порядок *axis mundi*.

Образ смерти появляется во многих песнях Летова:

Оо – моя оборона
Солнечный зайчик незрячего мира.
Оо – моя оборона
Траурный мячик стеклянного глаза,
Траурный зайчик нелепого глаза...
(«Моя оборона», 1988) [Летов, 2003, с. 272].

У каждого из нас быть могут разные ходы,
Но цель у нас едина –

⁷ Имя Егор Летов часто используется в качестве эмблемы анархистского протеста, конкурируя с анархистским символом «А в круге». Например, см. интервью участников панк-группы *Hate to state* (Минск) белорусской газете «Антыфашык»: «Мы – анархисты! За этим стоит нечто большее, чем буква А, намалеванная на стене или Егор Летов на майке большинства тех, кто называет себя “анархистами” <...>» (*HATE TO STATE* значит НЕНАВИСТЬ К ГОСУДАРСТВУ. Но не только. Лирический монолог дуэтом Игоря и Мао. URL: <https://piter.anarhist.org/volja12-12.htm>, дата обращения 19.07.2019).

⁸ Тема смерти заметна уже в сокращенном названии группы – ГрОб («Гражданская оборона»).

⁹ См. об этом: [Корчинский, 2016, с. 183].

Суицид.
 Пусть будет легко
 («Суицид», 1987)¹⁰.

Жизнь и смерть часто сталкиваются между собой, и в этом столкновении смерть всегда значительнее, например, весна прорастает смертью¹¹:

На что я молюсь?
 На цветущие яблони я молюсь
 Да на майские ливни знобящие.
 Кресты кладу – словно саблей наотмашь,
 Кланяюсь – землю давлю белокаменным лбом,
 Смерть выдавливаю из земли
 («На что я молюсь?..», 1994) [Летов, 2003, с. 44].

При этом смерть фигурирует не только на уровне темы или образа, текст может быть реально организован как речь умирающего человека, включать в себя реальные элементы этой речи. Например, Егор Летов вспоминает о том, как создавалась песня «Реанимация» из одноименного альбома: «...когда я лежал под капельницей <...>, а вокруг меня время от времени умирали люди – самоубийцы, передозники и проч. А я спешно записывал в блокнот обрывки их предсмертных бредовых речей – самую чудовищную, неистовую, невероятную поэзию, с которой мне довелось сталкиваться в этой жизни» [Семеляк, 2004, с. 36].

Апологию смерти в творчестве Летова сложно согласовать с анархистским мировоззрением, которое делает выбор в пользу жизни, а не смерти. Например, московский анархист Петр Рябов отмечает, что «анархия родится из самой стихии Жизни, из стремления людей к свободе, из инстинкта самоосвобождения, “святого чувства бунта” (по Бакунину или по Кропоткину) – из спонтанного природного творчества и живой ткани социальности» [Рябов, 2011].

Концепт *ЖИЗНЬ* может трактоваться в анархизме также и в более широком смысле витальности. Хаким-Бей в «Коммюнике ассоциации онтологического анархизма», размышляя о подлинно «революционном искусстве», связывает это искусство с *жизнью*: «У нас есть черная бомба для этих фашистов от эстетики, она взрывается спермой и хлопушками, сорняками и пиратством, безумными шиитскими ересями и пузырящимися фонтанами рая, сложными ритмами, пульсацией жизни – и все это бесформенно и изыскано. <...> Мы не собираемся навязывать вам очередное новомодное предписание, как стать совершенно здоровым (совершенно здоровы

¹⁰ URL: http://grob-hroniki.org/texts/go/t_el_s/suicid.html (дата обращения 19.07.2019).

¹¹ Уместно также вспомнить наблюдение о том, что Егор Летов в своих текстах «абсолютно антиэротичен» [Нокс, 1998].

только мертвые): нас интересует жизнь, а не образ жизни» [Хаким-Бей, 2002, с. 81, 97]¹².

В 1990-е гг. анархистские убеждения Летова уступают место коммунистическим и националистическим взглядам¹³: «Раньше я называл свой идеал “анархией”, сейчас думаю, что его лучше всего назвать “коммунизмом”. <...> Я готов сотрудничать со всеми радикально красно-коричневыми партиями и движениями, активными и бескомпромиссными» [Летов, 1997]. В 1994 г. Летов поддержал «Русский прорыв» – рок-движение, организованное при участии Национал-большевистской партии. Следует отметить, что правые взгляды Летова, как и нарастающая «политизация» творчества «Гражданской обороны», были специфическим ответом на «“конвертацию” панка в стиль» в середине 1990-х гг. [Гололобов и др., 2016, с. 41], когда панк постепенно начал превращаться в хорошо продаваемый товар. Таким образом, правая идеология не была в творчестве Летова самодостаточной, она фигурировала в качестве одного из средств противостояния капиталистическому сценарию развития панк-культуры в России. Кроме этого национализм Летова постоянно смещался в сторону интернационализма и космополитизма и, по сути, вбирал в себя все человечество. Имеет принципиальное значение то обстоятельство, что Летов именовал себя не просто националистом, но «советским националистом»: «Родина моя – СССР. Россия – это дело частное, отдельное, такое же, как Германия, Франция, Китай и прочие отдельные государства. СССР – это первый и великий шаг вдаль, вперед, в новое время, в новые горизонты. СССР – это не государство, это идея, рука, протянутая для рукопожатия, и слава и величие России в том, что она впервые в истории человечества взяла на себя горькую и праведную миссию прорыва сквозь тысячелетнее прозябание и мракобесие, одиночество человека к великому единению – к человечеству» [Летов, 1997].

Трудности, которые возникают при попытке разместить мировоззрение Летова в пространстве политического, на наш взгляд, связаны с тем, что его бунт направлен не против конкретных социальных и политических форм власти, а против власти как неотменяемой *метафизической тотальности*, пронизывающей все структуры жизни. В этом смысле анархизм Летова был масштабнее и радикальнее любых социально-политических

¹² Следует отметить, что анархисты, принимая сторону жизни, все же допускают оправдание самоубийства, например, в случаях тюремного заключения или вынесенного государством смертного приговора. Как говорил безначалец Александр Колосов (Соколов), лишивший себя жизни в сибирской каторге, «смерть есть сестра свободы» [Avrich, 1967, p. 64] (подробнее о случаях суицида среди представителей анархистских террористических организаций см.: [Ibid., p. 64–71]).

¹³ О критике националистических идей в панк-роке см.: [NAZI PUNKS FUCK OFF!, 2000].

проектов, в том числе и анархистских, а также коммунистических и националистических идеологий. В интервью Летов неоднократно подчеркивает эту мысль: «“Политика” в моих песнях (“Все Идет По Плану” и пр.) – это вовсе не “политика” <...>, во всяком случае, – не совсем “политика” в полном смысле слова. То, что сейчас говорю о бунте как о единственном Пути, – это, в разной степени осознанности, было во мне всегда, насколько я помню, – с самого глубокого детства. Для меня все мною используемые тоталитарные “категории” и “реалии” есть образы, символы вечного “метафизического” тоталитаризма, заложенного в самой сути любой группировки, любого сообщества, а также – в самом миропорядке. Вот в этом чарующе-нечестивом смысле – я всегда буду против!» [Летов, 1997]¹⁴.

Таким образом, власть – это неотменяемая тотальность, и бунт Летова перенимает соответствующие характеристики тотальности. При этом дифференциация власти, выделение чистых ее форм, как это делал, например, А. Кожев [2006], интересует Летова в меньшей степени. Основной пафос выражен в отказе от дифференциации, и важным является противостояние власти в ее предельном метафизическом смысле.

Кирилл Корчагин рассматривает «тотальность» в русле социальной и литературоведческой теории Георга Лукача и описывает с помощью этой категории механику взаимодействия различных типов дискурса в концептуализме. В «Теории романа» Лукач трактовал «тотальность» как завершенную в себе целостность, конституирующую любую раздробленность мира, для которой эта целостность должна быть целью и способом познания. Творчество Летова¹⁵, и его последователей, например Виктора Иванова, является, согласно К. Корчагину, примером постконцептуалистской работы с тотальностью: «...если в историческом концептуализме стремление к тотальности часто совмещалось с критикой самой этой тотальности, то у них (у Летова и Иванова. – М. М.) тотальность выступает как недоступная для критики. Задача поэта в этом контексте обратна задаче классического концептуализма: не обнажить за тотальностью разнообразие противоположных друг другу дискурсов, но, напротив, за дискурсивной полифонией обнаружить тотального субъекта, аккумулирующего в себе различные слои реальности и способного в силу этого отвечать за всю реальность сразу» [Корчагин, 2018, с. 209].

¹⁴ Или в другом интервью: «Я не могу сказать, что я какой-то политический музыкант. Мне всегда было, по большому счету, на все насрать глубоко, на все эти политические реалии, на все, что творится. Просто они олицетворяли собой определенный, как бы это сказать, тоталитаризм – причем не человеческий, а вообще, жизненный. Потому что то, что из себя представляет жизнь, – это, собственно говоря, самое страшное и есть» [Семеляк, 2004, с. 40].

¹⁵ Прежде всего, концептуалистский проект «Коммунизм», работавший с «чужой речью» и использующий приемы коллажа.

В понимании Летова тотальность несовместима с анархистской социальной теорией, поскольку, тотальность, являясь событием свободы, тесно связана с возможностью смерти, учреждающей горизонтальную бессмысленность образцов социального поведения. Смерть как ничем не обусловленная трата, не имеющая героической причинности, понимается им не как возвращение к некоторой «органичной» культуре в античном смысле, а как неравновесное целое, как порядок, стремящийся растратить собственный избыток свободы – и в этом растрачивании его манифестирующий.

Анархизм принимает логику тотальности и разворачивает свой дискурс в горизонте бесконечной свободы индивида, но одновременно провозглашает необходимость совмещения этой свободы с сообществом. Ключевой вопрос в этом плане формулирует Алексей Боровой: «Каким образом можно осуществить абсолютную свободу индивида, не прекращая общественной жизни?» [1906, с. 71]. Ответ на этот вопрос пытались получить самые разные анархистские теоретики (У. Годвин, П.-Ж. Прудон, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин и др.), предлагая собственные рецепты согласования несовместимых друг с другом человеческой свободы и социальной необходимости¹⁶. Анархистская теория, таким образом, настаивает на накоплении социального порядка. Для нее является характерной мысль о том, что анархистское общество представляет собой не хаос, но особым образом организованный порядок, – «порядок без господства»¹⁷. По мнению Егора Летова, анархия имеет совершенно другую природу – она принципиально асоциальна. «Анархия – это такое мироустройство, – говорит он, – которое лишь на одного. Двое – это уже слишком, безобразно много. Анархия – лишь на одного. И судя по всему... все кругом испокон печально доказывают то, что и на одного-то – это уже слишком жирно» [Летов, 1997]. Примечательно, что несколько альбомов «Гражданской обороны» (например, «Все идет по плану», 1988) Летов записал в одиночку, играя поочередно на всех инструментах, а затем накладывая записанные части друг на друга.

Таким образом, творчество Летова оказывается или *недостаточно анархистским*, непоследовательно уклоняющимся в сторону националистических взглядов, или наоборот, – *слишком анархическим*, принимающим форму тотального протеста. Эти крайности обозначают жесткое структурное ядро классической анархистской теории, и расшатывающие его тексты Летова проявляют себя в перспективе постанархистской критики.

С позиций постанархистской концепции Сола Ньюмена, существующая в классическом анархизме вера в возможность безвластного общества основана на манихейской логике однозначного и сущностного (эссенциали-

¹⁶ Подробнее о способе решения этого вопроса в анархизме см. [Devis, 2019].

¹⁷ Дамье В. Что такое анархия? Лекция в библиотеке им. Ф. М. Достоевского 21 июля 2014 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=26jj-rcr7sQ> (дата обращения 19.07.2019).

стского) разделения между субъектом и властью. В классическом анархизме субъект определяется позитивно как чистое пространство сопротивления, как незанятое властью место. В свою очередь, власть как феномен, имеющий однозначные субстанциональные и пространственные характеристики, воспринимается негативно. Позитивное и негативное соответствуют оппозиции «естественное / искусственное». Положительная интерпретация субъекта производится на основании соответствия его природы порядку естественных законов, которые считаются положительными априори. Сол Ньюмен пишет, что эти законы являются рациональными и этическими, в то время как «государство принадлежит “искусственному” миру власти» [Newman, 2001, p. 5], искажающему естественный порядок вещей и создающему условия для принуждения и рабства.

Например, многие анархисты разделяют идею, согласно которой человек имеет естественную природную склонность к взаимопомощи и кооперации, и возникающие в естественном человеческом взаимодействии сообщества не нуждаются во внешнем управлении со стороны структур государства. Эту мысль одним из первых высказал П. А. Кропоткин («Взаимопомощь как фактор эволюции», 1902), который противопоставил принцип взаимной помощи дарвиновскому принципу борьбы за существование.

Недостаток классического анархизма состоит в том, что он не замечает лежащую в основе его манихейской логики созависимость структурных компонентов. Отрицаемое анархистами государство и чистая незагрязненная властью «революционная идентичность» являются друг для друга необходимыми конституирующими элементами (см.: [Newman, 2001, p. 48; Поляков, 2015, с. 51, 52]). Иными словами, постанархизм ставит под вопрос возможность существования безвластного субъекта и безвластного сообщества. Как отмечает Ньюмен, чем сильнее классический анархизм стремился к исключению власти из собственных оснований, тем сильнее оказывался с ней связан – власть возвращалась «в самих структурах исключения» [Newman, 2004]. И действительно, добавим мы к этому, – парадоксальным образом властным является уже сам запрет на существование власти.

Постанархистская критика чувствительна к различению понятий «власть» (power) и «господство» (domination). Например, Сол Ньюмен, отталкиваясь от взглядов Фридриха Ницше и Мишеля Фуко, отказывается от субстанциональной концепции власти в пользу процессуальной. «Власть не является вещью, которой можно обладать, и она не может быть сосредоточена ни в учреждениях, ни в субъекте. Это всего лишь соотношение сил, которые циркулируют между различными акторами на всех уровнях нашей повседневной деятельности» [Ibid.]. Господство возникает в ситуации прерывания свободного властного обмена, в результате чего возникает государство. Постанархизм предлагает тем самым пересмотреть

вопрос о власти и государстве – не государство является источником власти, а скорее наоборот. «Государство представляет собой просто эффект властных отношений, которые выкристаллизовались в отношения господства» [Newman, 2004].

Творчество Егора Летова, таким образом, не вписывается в контекст бинарных схем мышления классического анархизма, а скорее расшатывает их, удерживаясь сразу на различных полюсах, обращаясь к самым широким – не только политическим – основаниям, предполагающим контекст постанархистской критики. Тексты Летова выражают тотальный протест против утверждающихся в реальности систем «господства», уплотняющих свободу в конвенциональные коммуникативные рамки, делающих ее адекватной и социально предсказуемой, оберегающих от напрасной траты.

Список литературы

- Боровой А. А.* Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М., 1906.
- Гололобов И., Стейнхольт И., Пилкингтон Х.* Панк в России: краткая история эволюции // Логос. 2016. № 4 (26). С. 27–61.
- Зданевич И., Ларионов М.* Почему мы раскрашиваемся. Манифест футуристов // Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания. СПб.: Полиграф, 2009. С. 368–370.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
- Кожев А.* Понятие власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
- Корчагин К.* Смерть мерцающего субъекта: Егор Летов, Виктор Иванів, тотальность и концептуальное искусство // Летовский семинар. Феномен Егора Летова в научном освещении / Под ред. Ю. Доманского, А. Корчинского. М.: Bull Terrier Records, 2018. С. 197–209.
- Корчинский А.* Песни Егора Летова: текст и перформанс // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2016. Вып. 16. С. 177–186.
- Летов Е.* Я не верю в анархию (сборник статей). М., 1997.
- Летов Е.* Стихи. М.: Хор; Нота-Р, 2003. 512 с.
- Лиманов К.* Анархистская символика // Наперекор. Катализатор умственного брожения. 1998. № 7. С. 55–59.
- Нокс М. М.* I love you, I want you, I need you... // Осколки. 1998. № 9. URL: http://yanka.lenin.ru/stat/love_you.htm (дата обращения 19.07.2019).
- О'Хара К.* Философия панка: больше, чем шум! М.: НОТА-Р, 2003.
- Платон. Федон* // Платон. Соч.: В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Loseва, В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 2. С. 11–96.
- Поляков Д. Б.* Постанархизм. Сол Ньюмен и теория новой радикальной политики // Философские науки. 2015. № 6. С. 50–56.
- Рябов П. В.* Анархизм: сегодня, здесь, сейчас // Прямухинские чтения 2009 года. М.: Футурис, 2011. С. 89–103.

Семеляк М. Жизнь как чудо. Интервью с Егором Летовым // Афиша. 2004. 13–26 сент. С. 35–40.

Тов. Лед Под Ногами Майора. Украл? Выпил?.. В тюрьму!!! // Ситуация. 2003. № 1. С. 2.

Хаки́м-Бей. Хаос и анархия. М.: Гилея, 2002. 274 с.

Шанир М. И. Эстетический опыт XX века: авангард и постмодернизм // *Philologica*. 1995. Т. 2, № 3/4. С. 135–143.

Шостак Г. Егор Летов и Миша Панк: преемственность традиций // Летовский семинар. Феномен Егора Летова в научном освещении / Под ред. Ю. Доманского, А. Корчинского. М.: Bull Terrier Records, 2018. С. 184–196.

Avrich P. *The Russian Anarchists*. Princeton: Princeton University Press, 1967. 289 p.

Devis L. Individual and Community. In: Levy C., Adams M. S. (eds.). *The Palgrave Handbook of Anarchism*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 47–69.

NAZI PUNKS FUCK OFF! // Воля. Международная анархическая газета. 2000. № 12. URL: <https://piter.anarhist.org/volja12-10.htm> (дата обращения 19.07.2019).

Newman S. From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power. Lanham: Lexington Books, 2001. 197 p.

Newman S. Anarchism and the Politics of Ressentiment. In: Moore J. (ed.) *I am not a Man, I am Dynamite: Friedrich Nietzsche and the Anarchist Tradition*. New York: Autonomedia, 2004.

Article metadata

Title: “I Do not Believe in Anarchy.” To the Question of the Ideological Foundations of Egor Letov’s Works

Author: M. Yu. Martynov

Author’s e-mail: golossa@gmail.com

Author affiliation: Chuvash State Art Museum (Cheboksary, Russian Federation); Universität Trier (Trier, Germany)

Abstract. The name of Egor Letov (1964–2008), one of the most famous Russian punks today, has a stable association with anarchism in the mass consciousness, with a protest against any form of power. Some of Letov’s texts and phrases (for example, “Kill the state in yourself!”) have acquired the character of precedent – they are identified and function as anarchist texts without necessarily referring to the original source. At the same time, there are elements in Letov’s works that are difficult to reconcile with an anarchist worldview, and in general, Letov’s anarchism is not obvious. For example, the theme of death, which is one of the key themes in Letov’s works, is hardly associated with anarchism, which takes the side of life. The main purpose of the article is to clarify Letov’s attitude to anarchism, to show the role and place of the anarchist worldview in his works. The author concludes that Letov’s works is either

not anarchist enough (a turn towards nationalist views) or, on the contrary, too anarchist (a form of total protest). This situation is conditioned by structural peculiarities of anarchist theory. Classical anarchism has a Manichaean structure (S. Newman), as subject and power in it are clearly separated. Letov's creativity is not anarchist in this Manichaean sense, which requires unambiguity and clarity of its elements. Despite the evasion of Manichaean binaryism, Letov's texts are able to keep the link with anarchism. Letov's anarchism has broader grounds and expresses a total protest against reality, which condenses freedom into a conventional communication framework, makes it predictable, and protects it from waste.

Key terms: anarchism, power, Egor Letov, death / life, punk, totality.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-388-400

Reference literature (in transliteration):

Avrich P. *The Russian Anarchists*. Princeton, Princeton University Press, 1967, 289 p.

Borovoy A. A. *Obshchestvennye idealy sovremennogo chelovechestva. Liberalizm. Sotsializm. Anarkhizm* [The social ideals of modern humanity. Liberalism. Socialism. Anarchism]. Moscow, 1906. (in Russ.)

Devis L. Individual and Community. In: Levy C., Adams M. S. (eds.). *The Palgrave Handbook of Anarchism*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019, p. 47–69.

Gololobov I., Steynkholt I., Pilkington Kh. *Pank v Rossii: kratkaya istoriya evolyutsii* [Punk in Russia: A Brief History of Evolution]. *Logos*. 2016, no. 4, p. 27–61. (in Russ.)

Khakim Bey. *Khaos i anarkhiya. Revolyutsionnaya soteriologiya* [Chaos and anarchy]. Moscow, Gileya, 2002, 274 p. (in Russ.)

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. (in Russ.)

Kojève A. *La notion d'autorité*. Paris, 2004. (Russ. ed.: Kozhev A. *Ponyatie vlasti*. Moscow, Praktisis, 2006, 192 p.)

Korchagin K. *Smert' mertsayushchego sub'ekta: Egor Letov, Viktor Ivaniv, total'nost' i kontseptual'noe iskusstvo* [Death of the shimmering subject: Egor Letov, Viktor Ivaniv, totality and conceptual art]. In: Domanskiy Yu., Korchinskiy A. (eds.). *Letovskiy seminar. Fenomen Egora Letova v nauchnom osveshchenii* [Letovskiy seminar. Phenomenon of Egor Letov in scientific coverage]. Moscow, Bull Terrier Records, 2018, p. 197–209. (in Russ.)

Korchinskiy A. *Pesni Egora Letova: tekst i performans* [The Egor Letov's songs: text and performance]. *Russian rock poetry: text and context*, 2016, no. 16, p. 177–186. (in Russ.)

Letov E. *Ya ne veryu v anarkhiyu* [I do not believe in anarchy]. Moscow, 1997. (in Russ.)

Letov E. *Stikhi* [Poetry]. Moscow, Khor Publ., Nota-R Publ., 2003. 512 p. (in Russ.)

Limanov K. Anarkhistskaya simvolika [Anarchist symbols]. *Naperekor*, 1998, no. 7, p. 55–59. (in Russ.)

NAZI PUNKS FUCK OFF! *Volya. International anarchist newspaper*. 2000, no. 12. (in Russ.) URL: <https://piter.anarhist.org/volja12-10.htm> (accessed 19.07.2019).

Newman S. From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power. Lanham, Lexington Books, 2001, 197 p.

Newman S. Anarchism and the Politics of Ressentiment. In: Moore J. (ed.) *I am not a Man, I am Dynamite: Friedrich Nietzsche and the Anarchist Tradition*. New York, Autonomedia, 2004.

Noks M. M. I love you, I want you, I need you... *Oskolki*, 1998, no. 9. URL: http://yanka.lenin.ru/stat/love_you.htm (accessed 19.07.2019).

O'Hara C. The Philosophy of Punk: More Than Noise! Edinburgh, AK Press, 1995. (Russ. ed.: O'Khara K. *Filosofiya panka: bol'she, chem shum!* Moscow, NOTA-R, 2003.)

Plato. Phaedo (Russ. ed.: Platon. *Sochineniya*. In 4 vols. Eds. A. F. Losev, V. F. Asmus. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, Oleg Abyshko Publ., 2007, vol. 2, p. 11–96.)

Polyakov D. B. Postanarkhizm. Sol Niyumen i teoriya novoy radikal'noy politiki [Postanarchism. Saul Newman and a Theory of New Radical Politics]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2015, no. 6, p. 50–56. (in Russ.)

Ryabov P. V. Anarkhizm: segodnya, zdes', seychas [Anarchism: today, here, now]. In: *Pryamukhinskie chteniya 2009 goda*. Moscow, Futuris, 2011, p. 89–103. (in Russ.)

Semelyak M. Zhizn' kak chudo. Interv'yu s Egorom Letovym [Life is like a miracle. Interview with Egor Letov]. *Afisha*, 2004, September 13–26, p. 35–40. (in Russ.)

Shapir M. I. Esteticheskiy opyt XX veka: avangard i postmodernism [The aesthetic experience of the 20th century: the avant-garde and postmodernism]. *Philologica*, 1995, no. 3/4, p. 135–143. (in Russ.)

Shostak G. Egor Letov i Misha Pank: preemstvennost' traditsiy [Egor Letov and Misha Punk: the continuity of tradition]. In: Domanskiy Yu., Korchinskiy A. (eds.). *Letovskiy seminar. Fenomen Egora Letova v nauchnom osveshchenii* [Letovskiy seminar. Phenomenon of Egor Letov in scientific coverage]. Moscow, Bull Terrier Records, 2018, p. 184–196. (in Russ.)

Tov. Led Pod Nogami Mayora. Ukral? Vypil?.. V tyur'mu!!! [Stole it? Drunk? To prison!]. *Situatsiya*, 2003, no. 1, p. 2.

Zdanevich I., Larionov M. Pochemu my raskrashivaemsya. Manifest futuristov [Why are we dyeing ourselves. Manifesto of futurists]. In: V. N. Terekhina, A. P. Zimenkov (eds.). *Russkiy futurizm: Stikhi. Stat'i. Vospominaniya* [Russian futurism: Poetry. Articles. Memories]. St. Petersburg, Poligraf Publ., 2009, p. 368–370. (in Russ.)